

В Дааньго испокон веков чтили свадебные обряды, и встреча новобрачных всегда проходила по строгому укладу.

Девиц оберегали пуще прежнего — они прибывали в дом мужа в закрытых красных паланкинах. Шуаньэр ценились меньше, однако в мало-мальски зажиточных семьях, где родители заботились о детях, их обязательно приносил на спине отец или старший брат.

Цзян Жан же являл собой жалкое зрелище. Худенький, хрупкий юноша в нелепом, явно с чужого плеча алом наряде покорно семенил вслед за свахой, то и дело оступаясь на неровной, усыпанной гравием дороге.

Дома его положение всегда оставалось незавидным. Родной папа умер рано, а среди соседей хватало досужих кумушек, любивших почесать языками. За спиной сироты шептались, будто он — проклятое дитя с тяжёлой судьбой, из-за которого и погиб родитель. Отец Цзян, человек бесхарактерный и суеверный, поначалу жалел осиротевшего кроху, но шло время, сплетни множились, и в его душе зародилось сомнение.

Едва минуло два года со смерти первого мужа, как отец привёл в дом нового супруга — шуаньэр по фамилии Юань. Поначалу они жили дружно. Вскоре господин Юань забеременел и родил отцу сразу двоих — сына и дочь. Радости главы семейства не было предела. Мальчика нарекли Руху, а девочку — Сиюй, выбрав звучные имена у деревенского грамотея.

Цзян Жану тогда едва исполнилось шесть лет.

Первое время господин Юань обходился с пасынком мягко, но стоило ему разродиться и прочно утвердиться в правах хозяина, как отношение к мальчику резко переменилось. Бесконечные хлопоты по дому — подносить воду, готовить еду, мести полы — стали для маленького Цзян Жана привычной рутинной. Но тяжелее всего сироте давалось другое: новый отец вечно держал его впроголодь и не давал тёплой одежды.

Однажды в зимнюю стужу, измученный лютым холодом, Цзян Жан бросился со слезами к отцу. Но тот лишь твердил, что господин Юань принёс в их дом благословение, а потому сыну надлежит безропотно слушаться старших.

Поняв, что помощи ждать не от кого, мальчик замкнулся в себе. Он рано уяснил простую истину: новый отец — человек жестокий, родному отцу до него дела нет, и в этом мире любить его мог лишь покойный родитель да он сам.

Свадебная процессия продвигалась под задорный стук барабанов. Лицо Цзян Жана покраснело от быстрой ходьбы. Когда вдаль показалась усадьба семьи Фан, шедшая впереди сваха обернулась и негромко наставила его:

— Почти пришли. Послушай, зятёк, теперь иди не спеша. Пойдёшь слишком быстро — зеваки решат, будто ты без оглядки бежишь из родного гнезда, скажут ещё, что ты жестокосердный!

Цзян Жан послушно замедлил шаг, хотя на душе у него скребли кошки. Какое уж тут замужество? Его попросту продали. Три ляна серебра, что семья Фан выложила в качестве выкупа, он даже в глаза не видел — господин Юань прибрал деньги к рукам, заявив, что они пойдут на нужды младшего брата, единственного продолжателя рода.

Все в округе знали, что младший сын Фанов — первый гуляка и бездельник. Идти к такому в дом ради изгнания смертельной хвори — чем не прыжок в раскалённые угли?

От этих мыслей на Цзян Жана нахлынула такая тоска, что слёзы, которые он привык сдерживать, крупными каплями покатились по щекам, разбиваясь о пыльную дорогу. Сваха, заметив это, притворно вздохнула и крикнула обступившим их зевакам:

— Гляньте-ка, люди добрые, как наш молодой убивается! Жалко ему родительский дом покидать, с отцом да папой расставаться!

Громкий голос свахи разнёсся далеко вокруг, и толпа любопытных дружно расхохоталась.

Хотя деревня Речного Отдыха и деревня Цзян граничили друг с другом, расстояние до дома Фанов было приличным. Ленивый господин Юань, не желая бить ноги, наплёл отцу невесть что — мол, малютки Руху и Сиюй слишком малы для пешей прогулки. Отец Цзян, потакая капризам супруга и балуя младших детей, не пожалел нескольких медных монет из свадебного выкупа и нанял повозку, запряжённую ослом. Так они всей семьёй с ветерком доехали до места задолго до прихода свадебного поезда.

Из-за их спешки Цзян Жан едва не упустил благоприятный час для бракосочетания. Сваха, конечно, пыталась сгладить неловкость шутками, но среди гостей поползли шепотки.

Господин Юань лениво сидел за столом, угощая дочку сладостями, когда до его слуха донёсся недовольный голос с соседней скамьи:

— Опоздать в собственный свадебный день! Семья Фан так спешила провести обряд ради спасения больного, а этот шуаньэр... Кому вообще сдался такой нерадивый супруг?

— И то верно! — подхватил другой голос. — Взяли ведь приличный выкуп, а к делу отнеслись спустя рукава!

— А чего вы ждали? Новый отец есть новый отец, разве станет чужой человек душой за сироту болеть? Бедный мальчишка, натерпится он ещё горя...

Голоса понемногу стихли, но господину Юаню хватило и услышанного. Его тонкие, злые брови

сошлись на переносице, лицо потемнело от злости. Он с размаху опустил палочки на стол.

Отец Цзян, заметив перемену в его настроении, обеспокоенно спросил:

— Душа моя, что стряслось? На ком лица нет?

Господин Юань ядовито процедил:

— Обидно мне! Стараешься, из кожи вон лезешь, а за спиной всё одно кости перемывают. Всё я делаю не так! Ох, не доглядел, не научил паршивца вовремя являться!

Отец Цзян поспешил утешить раздосадованного супруга:

— Ну полно тебе, не принимай близко к сердцу. Жан-эр вечно упрямится да хлопоты тебе доставляет. Не сердись, улучу минутку и поговорю с ним как следует.

Лишь после этих мягких заверений господин Юань сменил гнев на милость.

Развлечений в деревне было немного, поэтому поглазеть на свадьбу сбежалась едва ли не половина округа. Окружив забор, детвора весело гомонила. Едва Цзян Жан ступил во двор усадьбы Фанов, как мальчишки дружно заголосили:

— Новобрачный пришёл! Новобрачный пришёл!

Гости побросали приборы и потянулись к выходу, желая рассмотреть виновника торжества.

Господин Юань из упрямства продолжал сидеть на месте, и отцу Цзяну пришлось легонько потянуть его за рукав:

— Пойдём же, сынок уже во дворе, надо встретить.

Только тогда господин Юань нехотя поднялся.

По местному обычаю, родители должны были подвести молодого супруга к мужу, чтобы тот на руках внёс его в главный зал для обряда поклонов небу и земле.

Цзян Жан стоял посреди просторного двора в полном одиночестве.

Рядом не было ни любящей родни, готовой поддержать его, ни суженого. Оно и понятно: поговаривали, что старший сын Фанов, Фан Чжуншань, после сильного испуга занемог так, что

едва дышал. Полуживой калека, одной ногой стоящий в могиле, разве мог он выйти навстречу новоиспечённому супругу?

Веселье во дворе поутихло. Даже самые крикливые ребятишки притихли, одёрнутые родителями. Над усадьбой повисло тяжёлое, гнетущее молчание. Несколько кумушек обменялись красноречивыми взглядами. Старая госпожа Фан славилась крутым нравом и из-за своего беспутного внука рассорилась со многими соседями, так что теперь все с тайным злорадством ждали краха этой семьи.

Господин Юань и отец Цзян вышли на крыльцо. Сваха, у которой от неловкости ситуации уже сводило челюсти, бросилась к отцу невесты как к избавителю:

— Отец Цзян! Ну наконец-то! Скорее ведите своего ненаглядного в зал, он же только вас и ждёт! — она подтолкнула Цзян Жана к родителям. — Кланяйся отцу да папе, прощайся с родным домом.

Этот поклон знаменовал окончательный разрыв с прежней семьёй: отныне юноша принадлежал новому роду.

Цзян Жан поднял глаза. На его лице не осталось и следа от недавних слёз — оно было спокойным и безразличным. Эта маска невозмутимости всегда приводила господина Юаня в бешенство. Подумаешь, сирота безродная, а держится так, будто выше всех!

— Не утруждайся, — процедил господин Юань, криво усмехнувшись. — В его сердце есть место лишь для покойного папеньки, куда уж мне, новому отцу. Нечего и комедию ломать перед честными людьми.

Отец Цзян грозно насупился:

— Это ещё что за новости! Пусть Юань-ши тебе не родной отец, но он тебя вырастил и куском хлеба делился! Если ты перед свадьбой даже слова доброго для него пожалел, как мы можем рассчитывать на твою сыновнюю почтительность в старости? — Он шагнул вперёд и властно приказал: — А ну живо поклонись Господину Юаню!

Отец Цзян, бывший за пределами дома тише воды и ниже травы, отыгрывался за все унижения на беззащитном сыне. Но сегодня Цзян Жан не собирался уступать.

Он выпрямился, упрямо вскинул подбородок и твёрдо произнёс:

— У меня был только один папа. Его унесла река, и тела мы так и не нашли. Если ты, отец, хочешь, чтобы я поклонился — пойдём к его пустой могиле, там я и склоню голову.

Его негромкий, но чистый голос отчётливо разнёсся по притихшему двору. Лица отца Цзяна и

господина Юаня исказились от гнева.

— Ах ты, паршивец! — взревел отец, задыхаясь от ярости. — Как язык твой повернулся такое сказать?!

Но Цзян Жан даже не дрогнул.

— Я сказал правду. Другого папы у меня нет.

Отец Цзян впервые столкнулся с открытым неповиновением. На мгновение он опешил, а затем, поддавшись слепой ярости, с размаху влепил сыну звонкую пощёчину.

Голова Цзян Жана мотнулась в сторону. К побоям ему было не привыкать, но получить удар на глазах у всей деревни, в день собственной свадьбы... Это было верхом унижения. Отец втоптал его гордость в грязь.

Господин Юань притворно охнул и сделал вид, будто пытается урезонить разъярённого мужа, но тут же добавил угля в огонь:

— Полно тебе, не горячись. Мальчишка глуп, зла на нас держит. Но и спускать такое нельзя — ведь если сейчас не проучить упрямца, завтра люди станут тыкать в нас пальцами да корить, что мы вырастили неблагодарное чудовище!

Эти вкрадчивые слова подействовали на отца Цзяна как красная тряпка. Он снова замахнулся и нанёс сыну ещё несколько тяжёлых ударов по лицу. Господин Юань лишь молча наблюдал за этой сценой со стороны, упиваясь своей маленькой победой.

<http://bllate.org/book/19394/1939624>